

УДК 398.22(=512.157)
DOI 10.25587/j7180-2014-8301-d

С. Д. Гымпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

МАЛЫЕ ФОРМЫ ФОЛЬКЛОРНОГО ЖАНРА В ЭПОСЕ БУРЯТ

Аннотация. Героический эпос бурят (улигеры), как и многие эпические произведения других народов, содержит в своей художественной канве разные формульные выражения, такие как пословицы, поговорки, благопожелания, заговоры. В данной статье проведен анализ пословиц, поговорок, используемых в эпических произведениях бурят в семантическом аспекте. Цель статьи – определение и выявление значения, функциональных особенностей пословиц в структуре эпических текстов. Материалом для исследования были отобраны тексты бурятских улигеров «Абай Гэсэр хубуун» Маншуда Имегенова, «Абай Гэсэр» Пёхона Петрова и «Абай Гэсэр Богдо хаан» Альфора Васильева. При анализе применены структурно-семантический, структурно-типологический методы. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в современный период недостаточно изучено семантическое значение паремий в эпических текстах тюрко-монгольских народов, а также отсутствием работ по исследованию функционального значения пословиц на материале фольклорных текстов. Новизна работы заключается в том, что впервые сделана попытка семантического анализа пословиц в героико-эпических произведениях, а также выявлены их функции. В структуре героического сказания паремии, обретая эпическую окраску и характер, являются особым компонентом структурной системы улигеров, отражая при этом древние культурные, социальные, религиозные традиции бурят.

Сравнительный анализ пословиц в бурятских улигерах позволил выявить, что одна и та же паремия может употребляться сказителем в разной лексической форме, а также места их использования разные: в зачине, в середине либо в конце эпического произведения. Они благодаря своей жанровой специфике могут выполнять в структуре эпических текстов определенные функции: служат поэтическим средством образной характеристики героя, мотивировкой героя к действию, употребляются в качестве концовки отдельных эпизодов эпического текста и т. д. Используемые в бурятских эпических текстах отдельные пословицы отличаются разнообразием лексических форм и частотностью употребления. Пословицы, являясь структурным компонентом героического произведения, выполняют различные функции, делают эпический язык в плане поэтики богатым и содержательным.

Ключевые слова: героический эпос, фольклор, бурятские улигеры, поэтика, малые жанры, пословицы, поговорки, функция, паремия, эпический язык.

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН XII.192.1.4 Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика (№ государственной регистрации АААА-А17-117021310268-2).

S. D. Gypilova

Small forms of folklore genre in the epic of the Buryats

Abstract. The heroic epic of the Buryats (uligers), like many epic works of other peoples, contains in its artistic canvas various language expressions, such as proverbs, sayings, well-wishes, conspiracies. This article analyzes the proverbs and sayings used in the epic works of the Buryats in the semantic aspect. The purpose of the article is to define and identify the meaning and functional features of proverbs in the structure of epic texts. The material for the study was selected from the texts of the Buryat uligers *Abai Geser hubuun* by M. Imegenov, *Abai Geser* by Peokhon Petrov and *Abai Geser Bogdo Khaan* by Alfor Vasiliev. The analysis is based on the

ГЫМПИЛОВА Сэсэгма Дмитриевна – к. филол. н., н. с. отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

E-mail: gymps70@yandex.ru

GYMPILOVA Sesegma Dmitrievna – Candidate of Philological Sciences, Researcher of Literature and Folklore Department, Institute of Mongolian, Buddology and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

E-mail: gymps70@yandex.ru

structural-semantic, structural-typological methods. The relevance of our research is due to the fact that at present, the semantic meaning of paroemias in the epic texts of the Turkic-Mongolian peoples is not well studied, as well as there is lack of research on the functional meaning of proverbs used in folklore texts. The novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to do a semantic analysis of proverbs in heroic and epic works, and their functions were revealed. In the structure of the heroic tale, paroemia, acquiring an epic color and character, are a special component of the structural system of the uligers, while reflecting the ancient cultural, social, and religious traditions of the Buryats.

A comparative analysis of proverbs in Buryat uligers revealed that the same paroemia can be used by the storyteller in different lexical forms, as well as the places of their use are different: in the beginning, in the middle or at the end of an epic work. Due to their genre specificity, they can perform certain functions in the structure of epic texts: they serve as a poetic means of imaginative characterization of the hero, motivate the hero to act, are used as the ending of individual episodes of the epic text, and so on. Individual proverbs used in Buryat epic texts differ in the variety of lexical forms and frequency of use. Proverbs, being a structural component of a heroic work, perform various functions and make the epic language rich and meaningful in terms of poetics.

Keywords: heroic epic, folklore, Buryat uligers, poetics, small genres, proverbs, sayings, function, paroemia, epic language.

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Mongolian, Buddology and Tibetan Studies of the SB RAS XII.192.1.4 Myth and history in the folklore and literature of the Buryats and Russian Siberians: universals and specificity (state registration number AAAA-A17-117021310268-2).

Введение

Героический эпос представляет собой уникальный, монументальный памятник духовной культуры тюрко-монгольских народов, характеризуется совокупностью элементов поэтической системы, своеобразным внутренним строем языка эпоса. Произведения героического эпоса представляют собой достаточно полные, развернутые эпические сюжеты. Сами эпические сказания являются «энциклопедией» народной жизни далеких времен, дают широкие картины быта, хозяйственного уклада, отражают идеологию различных эпох.

«Вершиной устной поэзии бурят является героический эпос, большие эпические народные поэмы, отражающие длительную борьбу предков бурят за этническое единство и сложные взаимоотношения с окружавшими их в прошлом племенами и народами. “Гэсэр”, крупнейшее произведение бурятского героического эпоса, справедливо считается главным достоянием эпического наследия бурят, а также и других народов Центральной Азии. Обширна и многоязычна география бытования “Гэсэра”: Бурятия, Синьцзяно-Уйгурский автономный район (Китай), Монголия, Калмыкия. Тибет» [1, с. 5].

Целью настоящей статьи является определение и выявление значения, функциональных особенностей пословиц в структуре бурятских эпических текстов. Новизна работы заключается в том, что впервые сделана попытка семантического анализа пословиц в героико-эпических произведениях, а также выявлены их функции. Для анализа образцов формульных выражений в эпических произведениях нами были изучены тексты эпических сказаний (улигеров) «Абай Гэсэр хубуун» Маншуда Имегенова [2], «Абай Гэсэр» Пёохона Петрова [3] и «Абай Гэсэр Богдо хаан» Альфора Васильева [4], которые, по нашему мнению, являются наиболее архаичными, оригинальными и содержательными. Памятники героического эпоса бурят, как справедливо отмечают исследователи, отличаются от других жанров фольклора своими развернутыми сюжетами, большими размерами.

Бурятские героические сказания по своему стадийному развитию разделяются на группы, отражающие различные ступени общественной жизни предков бурят: эхирит-булагатская, унгинская, хоринская. Бурятские исследователи-эпосоведы отмечают, что наиболее древней, архаичной считается эхирит-булагатская, к которой относится «Абай Гэсэр хубуун» Маншуда Имегенова. По мнению Ц. Дамдинсүрэна, данная версия Гэсэриады «почти целиком из бурятских фольклорных мотивов» и считает ее «совершенно самостоятельной и самобытной». Следует отметить, что «Отличительной особенностью этой версии является то, что у Гэсэра имеются сыновья, которым посвящены “целые песни” (о Гэсэре – 10 000 стихов, о его сыновьях

– 12 000 стихов), в то время как в монгольских и тибетских версиях подчеркивается, что у героя нет сыновей и наследство он передает приемному сыну» [5, с. 50].

Улигеры «Абай Гэсэр» П. Петрова и «Абай Гэсэр Богдо хаан» А. Васильева относятся к унгинской группе. Унгинская версия Гэсэриады, как отмечает Ц. Дамдинсурэн, «имеет некоторое сходство с монгольской, эхиритская очень далека от нее». При чем, сходство бурятской унгинской версии с монгольскими относительное. Поскольку бурятские версии Гэсэриады целиком представлены в стихотворной форме, а монгольские версии в прозаической. Следует отметить, что «Абай Гэсэр», записанный от Пёохона Петрова, представляет собой один из самых полных вариантов унгинской Гэсэриады. Что касается улигера «Абай Гэсэр Богдо хаан» Альфора Васильева, то он отличается от всех известных текстов «Гэсэра» полнотой и своеобразием сюжетной структуры. Вступительная часть данного варианта содержит красочный миф о времени первотворения, зарождения жизни на земле, чем существенно отличается от других улигеров. Ему в большей степени присущи черты циклизированного военного эпоса, поскольку большое место уделено описанию богатырской биографии воинов Гэсэра. В этом варианте «По-иному дается описание спуска героя на землю и первых его действий на земле. <...> Совершенно по-другому разработан сюжет с тремя шарынскими (шараблинскими) ханами; мотив превращения Гэсэра в осла» [5, с. 61], который близок к эхирит-булагатскому варианту Гэсэриады М. Имегенова (Гэсэра превращает в коня также мангадхайка). Кроме этого Д. А. Бурчина отмечает, что «появляются новые эпизоды с дьяволом Архан Шудхэрэм, пытающимся проглотить луну; о сотворении дьявола Шэрэм Мината, черный чугунный кнут которого изготавливается восточными небесными кузнецами» [5, с. 61]. В целом, можно отметить, что вариант А. Васильева является самобытным и оригинальным, что позволяет считать его в какой-то мере самостоятельной версией в составе унгинской группы улигеров о Гэсэре.

Известно, что вопросы частичного происхождения, композиции, сюжетосложения бурятского эпоса достаточно освещены в трудах ученых А. И. Уланова [6], Г. Д. Санжеева [7], Н. О. Шаракшиновой [8], М. П. Хомонова [9], Э. А. Уланова [10], чего нельзя сказать о проблеме поэтики текста, которая является одной из малоизученных в современном эпосоведении.

Имеется ряд работ, посвященных именно поэтике, образам, стилистике фольклорного текста. Среди них труды М. И. Тулохонова «Героический эпос бурят: вопросы поэтики и стиля» [11], С. Ш. Чагдурова «Поэтика Гэсэриады» [12], Е. О. Хундаевой «Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика» [13], Л. Ц. Санжеевой «Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля» [14]. В указанных работах проводился анализ поэтики лишь в общем плане, поэтические особенности эпоса не рассматривались целостно, во взаимосвязи между их компонентами.

В этой связи, Л. Ц. Санжеева верно отмечает, что «Сложность и актуальность рассматриваемого вопроса определяются, прежде всего, недостаточной разработанностью в бурятском эпосоведении проблем эпической поэтики и стилистики в целом» [14, с. 5].

Образцы фольклорных произведений занимают особое место в определении обществом системы ценностей. Поскольку они в наиболее чистом виде дают представление о народном видении мира, человеческого бытия в нём, о структуре отношений между людьми, также составляют основу ментального самосознания. В этом плане особый интерес представляют малые жанры устного творчества, в частности пословицы, поговорки.

Изучение поэтики бурятских эпических произведений о Гэсэре, показало, что одним из основных художественно-образительных средств являются пословицы, поговорки, которые в силу своих жанровых особенностей становятся необходимыми компонентами в их структурной композиции.

Семантическое значение пословиц в бурятских эпических текстах

Сравнительное исследование, выявление семантики, используемых сказителями в бурятских эпических произведениях пословиц, поговорок, позволило выделить один из основных ключевых концептов социума – «Человек». В бурятских улигерах о Гэсэре выявленные пословицы можно условно определить в следующие группы: «Семья. Родственные отношения», «Родина/Чужбина», «Место человека в коллективе», «Мужчина и женщина», «Молодость и старость».

1. Первая группа **«Семья. Родственные отношения»** включает пословицы, в которых отражены представления людей об обществе – роде, племени. Значимость рода у монголоязычных

народов наиболее ярко проявлялась на фоне осуществления ключевых событий в жизни семьи / родового сообщества – свадьбы, рождения детей, похорон. В связи с этим популярным в бурятских улигерах является мотив сватовства:

*Ганса хуун хуун болохобэйма
Ганса сусал гал болохобэйма* [4, с. 146].

Из одного человека семьи не будет,
Из одного уголька огня не будет [пер. наш].

*Бэһэмнй худайн муроор,
Бээмни хургэнэй муроор* [3, стр. 1924]¹.

Пояс мой по пути сватовства,
Сам я по пути зятя [3, стр. 1925].

2. Группу **«Родина/Чужбина»** составляют пословицы, характеризующие понятие «Родина», в следующих значениях:

- ценность Родины для человека:

*Үрээ гуунэй унагал даа,
Газар дайдаяа ханабал даа,
Иибии баабайн хубуун гээшэ,
Үтүг нютагаяа ханабал даа*
[2, стр. 5171–5173].

Жеребенок дикой кобылицы
По земному простору тоскует,
Сын матери и отца
По своей родине тоскует
[2, стр. 5172–5174].

*Хариин хун харихыма,
Хамнаган хун нуухыма* [4, с. 235].

Чужеродный возвращается,
Эвенк кочует [пер. наш].

- своя/чужая:

*Хуунэй лэ дайда хуштэй юмэ,
Өөриин ехэ дайдам ургэмжэтэй юмэ*
[2, стр. 1290–1292].

Сурова чужая земля,
Щедра своя великая земля
[2, стр. 1291–1293].

*Хариин хубуун харида багтахабэй,
Хандагайн сумэгэн тогоондо багтахабэй*
[3, стр. 1824].

Чужеземец на чужбине не уживется,
Берцовая кость лося в котле не поместится
[3, стр. 1825].

С родиной, родной землей у каждого человека связаны воспоминания, мечты, надежды. Не случайно Родина в бурятских пословицах представлена в образах родной матери – богатой, щедрой земли.

3. В группу **«Место человека в коллективе»** входят пословицы, в которых показаны отношения человека в коллективе:

*Зүб хүүртэ зүрэлбэй,
Зүрхэлиг хүүндэ айдалбай* [4, с. 268].

У правдивых слов нет спора,
У мужественного человека нет страха
[пер. наш].

*Найн хүн ханаагаараан ябаха,
Найхан хүн шарайгаараан танюулха*
[3, стр. 3749 – 3751].

Хорошего человека по его помыслам
видно,
Красивого человека по его облику видно
[3, стр. 3750–3752].

4. В группу **«Мужчина и женщина»** включены пословицы, в которых ярко отражается предназначение мужчины и женщины в прошлом:

¹ Стр. (сокр.) – строка. Далее указана нумерация строк.

*Эрэ хуухэн зорихондоо,
Эзы хуухэн эсхэхэндээ байна лэ
[2, стр. 4764].*

Мужчина цели достигает,
Женщина должна уметь кроить
[2, стр. 4765].

*Басаган баримтаһаан,
Хүбүүн хүбшэргэхөөн [4, с. 22].*

Девушку [видно] с пеленок,
Парня [видно] с пуповины [пер. наш].

5. Интерес представляют паремии, входящие в группу «**Молодость и старость**», в них характеризуются отношения старшего и молодого поколения людей:

*Изы хүүнэй үмэрын охор,
Наниагта хүүнэй ханаанин бага
[4, с. 117].*

У женщины ум короткий,
У седовласого человека помыслы короткие
[пер. наш].

*Хуунэй лэ ури хуунэхээ лэ улэхэгуй ёһотой
юумэ,
Хузуунэй лэ тооромо ёргооноһоол улэхэгуй
юумэ [2, стр. 2141–2143].*

Не бывает дитя человека хуже самого человека,
Как не бывает шейных позвонков больше шести [2, стр. 2142–2144].

Отметим, что в эпических произведениях о Гэсэре также встречаются пословицы, в которых ярко характеризуются взаимоотношения родителей и детей:

*Эсэгэ хүүе гомойлгожо орхиходо,
Нүмэр уула шэргэхэл,
Эхэл хүүе гомойлгожо орхиходо,
Нүнхэн далай шэргэхэ [2, стр. 1849–1851].*

Отца обидеть,
Рухнет гора Сумэр,
Мать обидеть,
Высохнет Молочное море
[2, стр. 1850–1852].

*Хүүн хадаа болооло үдүжэ ябахадаа,
Орьёо хүшээр олохо юмэ,
Үтөлжэ ошходоо,
Үриеэ хүшөөр һууха юмэ байнал
[2, стр. 10551–10553].*

Человек пока в расцвете сил,
Сам себя обеспечивает,
А когда состарится,
Поддержкой детей живет
[2, стр. 10552–10554].

Изучение бурятских афористических выражений показывает, что «пословицы на всех этапах своего формирования и развития были тесно связаны с другими фольклорными жанрами, особенно с героическим эпосом, сказками, легендами, преданиями, загадками. Это характеризует одну из национальных особенностей бурятских пословиц, поговорок, подчеркивает широкие возможности их употребления в других жанрах» [15, с. 276].

Функциональное значение пословиц в бурятских улигерах

Анализ пословиц в бурятских улигерах позволил выявить, что одна и та же паремия может употребляться сказителем в разной лексической форме, а также места их использования разные: в зачине, в середине либо в конце эпического произведения. Это в целом зависит от импровизаторской способности сказителя. Например, сказитель М. Имегенов в эпосе «Абай Гэсэр Могучий» использует пословицу: *Хээрэ хэбтэхэ яһанаа тулоо хулээлдхэм, хэлсэжэ ябаха нэрээ тулоо хулээлдхэм* 'Ради костей, которые в степи лежат, буду ждать, ради имени, о котором будут говорить, буду ждать' [2, стр. 2556–2557] в начале повествования, в другом же эпизоде она лексически видоизменена: *Хээрэ хэбтэхэ яһан байна, хэлсэжэ ябаха нэрэ байна* 'Есть кости, которым в степи лежать, есть имя, о котором будут говорить' [2, стр. 8501–8502]. Хотя тексты имеют одну семантику, но стилистически звучат по-разному. «Улигершин имеет огромные возможности в подборе образных выражений для передачи своей мысли. В умении подбирать и уместно использовать их заключается творческий подход сказителя к исполнению

улигера или сказки. Именно умело подобранные словосочетания, афористические выражения способствуют красоте поэтического звучания текста» [16, с. 96].

Следует отметить, что в отдельных эпизодах улигеров с пословицы начинаются новые действия, мотивирующие поступки эпического героя. Например, широко известная в народе пословица *Ганса сусал гал болохогуй, ганса хун хун болохогуй* 'Из одного уголька огня не будет, из одного человека семьи не будет' часто встречается в эпических произведениях и служит мотивировкой выезда героя на поиски невесты.

Исследование паремий в бурятских улигерах показало, что пословицы благодаря своей жанровой специфике выполняют в структуре эпических текстов определенные функции. Например:

1) служат поэтическим средством образной характеристики героя: *Эрэ хуухэн зорихондоо, эзы хуухэн эсхэхэндээ байна лэ* 'Мужчина цели достигнет, женщина скроенное выполнит' [2, стр. 4764–4765], *Эрэйн яһан эбэртэл, агтайн яһан харганада байнал даа* 'Кости мужчины – на склоне [горы], кости скакуна – в кустарнике' [2, стр. 6551–6552], *Хуун бэшэ худэри, эрэ бэшэ эрдэни* [4, с. 151] 'Не человек, а исполин, не мужчина, а сокровище' [пер. наш];

2) служат завязкой отдельных эпизодов сюжета – мотивировка героя к действию: а) поиски и сватовство невесты – *Ганса сусал гал болохобэйма, ганса хун хун болохобэйма* [4, с. 146] 'Из одного уголька огня не будет, из одного человека семьи не будет' [пер. наш], б) битва с противником – *Үндэри толгойеһоо манан хойгхобэймэ, энэ намһаа дайн хойгхобэймэ* 'Высокую вершину (горы) туман не минует, меня эта война не минует' [3, стр. 2810–2812], в) возвращение героя на Родину – *Үрээ гуунэй унагал даа, газар дайдая һанабал даа, ибии баабайн хубуун гээшэ утуг нютагаяа һанабал даа* 'Жеребенок дикой кобылицы по земному простору тоскует, сын матери и отца по родному очагу тоскует' [2, стр. 5171–5174], *Хариин хубуун харида багтахабэй, хандагайн сумэгэн тогоондо багтахабэй* 'Чужеземец на чужбине не уживется, берцовая кость лося в котле не поместится' [3, стр. 1824–1825];

3) употребляются в качестве концовки отдельных эпизодов эпического текста: *Хуун хадаа болооло удужэ ябахадаа, орьёо хушэр олохо юмэ, утолжэ оиходоо уриез хушоор һууха юмэ байнал* 'Человек, пока в расцвете сил, сам себя обеспечивает, когда же состарится он, поддержкой детей живет' [2, стр. 10551–10554], *Үхэхэ хууни угэйн һурахыма, алаха адаһани шуһайн хадхалыма* 'У человека перед смертью завешание спрашивают, у скота при забое кровь выпускают' [3, стр. 4884–4885];

4) выполняют эмоциональную функцию: передают чувства – печаль, беспокойство, а также решимость героя: *Үдэри һанаан, һуниин зуудэн боложо* 'Стали дневными помыслами, ночными сновидениями' [3, стр. 3373–3374], *Шоно һанаа һанаалжа, шулуун зурхэ зурхэлжэ* 'Волчьи думы задумав, сердце в камень превратив' [3, стр. 3633–3634];

5) используются в качестве благопожелания: *Дайгаа даража, даагаа һуулдэжэ ябаарайт* 'Врага победив, лончака за хвост поймав, вернитесь' [3, стр. 7286–7287].

В структуре героического сказания они, обретая эпическую окраску и характер, являются особым компонентом структурной системы улигеров, отражая при этом древние культурные, социальные, религиозные традиции бурят.

Заключение

Таким образом, изучение формульных выражений в данных бурятских улигерах показало, что они, являясь одним из художественно-изобразительных средств поэтики, богатства эпического языка, становятся неотъемлемым компонентом в структуре эпических произведений, выполняют при этом еще и определенные функции. Используемые в бурятских эпических текстах отдельные пословицы отличаются разнообразием лексических форм и частотностью употребления.

В связи с этим, отметим, что «Традиционные формульные выражения способствуют движению эпических событий драматического характера, участвуют в героических ситуациях, полностью подчиняясь раскрытию жанрового эпического содержания» [14, с. 223].

В силу постоянства своей эстетической, познавательной и художественной ценности большинство пословиц, поговорок остается в народной памяти на века, лишь согласно велению времени, значение одних пословиц и поговорок меняется, получает более современную смысловую окраску, а другие уходят из речевой активности людей, забываются.

Литература

1. Найдаков В. Ц., Чагдуров С. Ш. Героический эпос бурят // Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Т. 1 / Пер. В. Солоухина. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1986. – С. 5-9.
2. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос / Зап. Ц. Жамцарано от М. Имегенова ; пер. А. Б. Соктоева. – Москва : Восточная литература, 1995. – 526 с. (На бурятском и русс. яз.)
3. Абай Гэсэр / Зап. И. Н. Мадасона от П. Петрова ; вводная часть, комм., пер. А. И. Уланова. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1960. – 314 с. (На бурятском и русс. яз.)
4. Абай Гэсэр Богдо хаан / Зап. от А. Васильева ; подг. текста, вступ. ст. М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин. – Улаан-Удэ : Республиканская типография, 1995. – 520 с. (На бурятском яз.)
5. Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск : Наука, 1990. – 447 с.
6. Уланов А. И. Бурятский героический эпос. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1963. – 220 с.
7. Санжеев Г. Д. По этапам развития бурят-монгольского героического эпоса // Советский фольклор. – 1936. – № 4-5. – С. 58–67.
8. Шаракшинова Н. О. Героико-эпическая поэзия бурят. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1987. – 303 с.
9. Хомонов М. П. Бурятский героический эпос о Гэсэре : Эхирит-булагатский вариант. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1976. – 187 с.
10. Уланов Э. А. Эпос в развитии бурятской словесности : аспекты поэтико-стадиальной эволюции художественного мышления. – Улан-Удэ : Бэлиг, 2003. – 212 с.
11. Тулохонов М. И. Героический эпос бурят : вопросы поэтики и стиля : автореферат дис. ... д. филол. н. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – 51 с.
12. Чагдуров С. Ш. Поэтика Гэсэриады. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1993. – 367 с.
13. Хундаева Е. О. Бурятский эпос о Гэсэре : связи и поэтика. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 166 с.
14. Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос : проблемы поэтики и стиля. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2011. – 240 с.
15. Фольклор монгольских народов : исследование и тексты. Т. 2. Бурятский фольклор / Сост. : С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. – Москва-Элиста : ЗАОр НПП «Джангар», 2011. – 444 с.
16. Гымпилова С. Д. Пословицы в репертуаре бурятских сказителей // Творчество сказителей : традиция и импровизация / Отв. ред. М. И. Тулохонов, Р. П. Матвеева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – С. 92–99.

References

1. Naidakov V. Ts., Chagdurov S. Sh. The heroic epic of the Buryats. In: Geser. The Buryat folk heroic epic. Vol. 1. Transl. by V. Soloukhin. Ulan-Ude, Buryat Book Publ. House, 1986, pp. 5–9. (In Russ.)
2. Abai Geser the Mighty. The Buryat heroic epic. Record. by Ts. Zhamtsarano from M. Imegenov, transl. by A. B. Soktoev. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 526 p. (In Buryat and Russ.)
3. Abay Geser. Record. by I. N. Madason from P. Petrov; introduction, komm., transl. by A. I. Ulanov. Ulan-Ude, Buryat Book Publ. House, 1960, 314 p. (In Buryat and Russ.)
4. Abai Geser Bogdo khan. Record. from Al'for Vasil'ev, comp. M. I. Tulokhonov, D. D. Gomboin. Ulan-Ude, Republican typography Publ., 1995, 520 p. (In Buryat)
5. Burchina D. A. Geseriada Western Buryats. Index of works and their variants. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 447 p. (In Russ.)
6. Ulanov A. I. The Buryat heroic epic. Ulan-Ude, Buryat Book Publ. House, 1963, 220 p. (In Russ.)
7. Sanzheev G. D. By stages of development of the Buryat-Mongolian heroic epic. In: *Soviet folklore*. 1936, No. 4-5, pp. 58–67. (In Russ.)
8. Sharakshinova N. O. Heroic and epic poetry of the Buryats. Irkutsk, Irkutsk University Publ. House, 1987, 303 p. (In Russ.)
9. Khomonov M. P. Buryat heroic epic about Gesar: Ekhirit-bulagat version. Ulan-Ude, Buryat Book Publ. House, 1976, 187 p. (In Russ.)

10. Ulanov E. A. Epic in the development of Buryat literature: aspects of poetic and stadium evolution of artistic thinking. Ulan-Ude, Belig Publ., 2003, 212 p. (In Russ.)
11. Tulokhonov M. I. The heroic epic of the Buryats: questions of poetics and style. Abstract of the dissertation of Doctor of Philological Sciences. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 1993, 51 p. (In Russ.)
12. Chagdurov S. Sh. The Poetics of Geseriada. Irkutsk, Irkutsk University Publ. House, 1993, 367 p. (In Russ.)
13. Khundaeva E. O. The Buryat epic of Geser: communication and poetics. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 1999, 166 p. (In Russ.)
14. Sanzheeva L. Ts. Buryat epic: problems of poetics and style. Ulan-Ude, Buryat State University Publ. House, 2011, 240 p. (In Russ.)
15. Folklore of the Mongolian peoples: research and texts. Vol. 2. Buryat folklore. Comp. S. S. Bardakhanova, S. D. Gympilova. Moscow, Elista, Dzhangar Publ., 2011, 444 p. (In Russ.)
16. Gympilova S. D. Proverbs in the repertoire of Buryat storytellers. In: Creativity of storytellers: tradition and improvisation. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 1998, pp. 92–99. (In Russ.)